

* * *

Дар речи, ты незыблемый и зыбкий,
как я хочу вернуться к букварю
с неясной и блуждающей улыбкой,
понять, зачем пою и говорю.

Мне буквы уподобились, босые,
как дети, убегающие прочь
от возраста, как ливни областные
и плечи тех, кому уже невмочь

держат над самым сердцем груз атланта,
бросая взгляд на острие ножа...
хватило бы терпенья (не таланта)
добыть огонь и пальцев не разжать.

Дар речи, милосердный и жестокий,
продел в меня серебряную нить:
я знал, что он восходит на востоке,
еще не зная, с чем его сравнить.

О СВОЙСТВЕ ВРЕМЕНИ

Безликой теореме
смотрю в анфас:
не мы теряем время,

но время — нас,
не помня о пропаже,
себе в глаза
смотря, и это даже
не доказать
живущим ныне, присно,
поскольку взгляд
лишь переводит числа
на нотный ряд.

* * *

Бесшумный вал сиреновой волны
накатывает мягко, словно валик,
вдали чернеют камни, валуны,
собратья мелких камешков и галек.
Все, бывшие на пляже, разбрелись
напиться перед сном зеленым чаем,
пар вьется, поднимаясь в синевысь,
к туманному крылу прибрежных чаек.
Оставшись одному, на терпкий вкус
воды соленой и вина и хлеба,
понять, что знал не только Иисус —
любой ребенок знал, взглянув на небо,
услышав зов созвездий в облаках:
на внешней стороне любого века
мы — альфа, жизнь в бесчисленных веках,
на внутренней — лишь сон, ее омега.

Густеет ночь, смыкается прилив,
податливый издревле Моисею;
Икар здесь падал, крылья опалив,
и памяти морской — нет, не посмею
я пожелать ни другу, ни врагу,
и остается лишь, прикрыв глаза, мне
морской звездой лежать на берегу,
пока вода обтачивает камни
да острый прищур битого стекла
для тех, кого обычно ранят стекла
и дети их — бутылки, зеркала;
в одних моя душа насквозь промокла,
а во вторых видна почти насквозь,
почти — поскольку зеркало немного
лжет, ибо делит душу вкривь и вкось
с предметом; впрочем, скатертью дорога
любим попыткам вечность разделить;
пока созвездий участь разделять я
могу — земля и море мне кровать,
по крови и воде мои собратья.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ГОСТЬ

Г А И Т Я Н И Н

Что ты делаешь, белый мальчик,
на святом карнавале?
Наши речи немолчны,
протяжно гремят барабаны...
Мы о мертвых поем,
как столетия распевали
о бесчисленных надрезах,
возникших от первой раны.

Что ты ищешь среди танцоров
в южном пепле, в жаре Гаити?

М А Л Ь Ч И К

Я ищу ваших темных взоров,
но помочь меня не просите.

Г А И Т Я Н И Н

Что забыл ты среди печали?
Наши маски детей пугают,
силуэты молочно-дымны...

М А Л Ь Ч И К

Волны Леты меня качали,
ваши дети со мной играют
и поют неземные гимны.

* * *

Я выгнал музу в дождь и холод,
я вытолкал ее взашей,
мне нужен был предлог и повод,
и вроде быт похорошел.

Уселся в кресле поудобней,
блаженно греюсь у огня.
но дома нет меня отныне,
как и снаружи нет меня.

Меня не водится в природе,
нет на порогах, у дверей

гостиницы, что нынче в моде,
в расширенных глазах зверей,

не видно тени, силуэта,
но — тонкий свист игло́к, плач
весны, — не смолкнет скрипка эта;
хоть музыку переиначь,

а муза тонкими плечами
пожмет, и дождь пойдет сильней,
меня окликнув, как в начале,
судьбой напиться вместе с ней.